

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2020 А.М. Любомудров
Санкт-Петербург, Россия

«НОВЫЙ, ТИХИЙ И УЕДИНЕННЫЙ ПУТЬ ЦЕРКВИ». ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАЛОИЗВЕСТНЫХ ОЧЕРКАХ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Подготовка публикации и предисловие

Аннотация. Публикуются очерки классика русской литературы Б.К. Зайцева, посвященные событиям церковной жизни и духовным лицам русской эмиграции. Тексты взяты из редкой периодики зарубежья и малоизвестны в России. Материалы уточняют общую картину духовной и культурной жизни зарубежной России, включают описания съезда Студенческого христианского движения, Сергиевского подворья, благотворительных организаций, а также рисуют облик и пастырское служение митрополита Евлогия, архимандрита Киприана Керна, протоиерея Георгия Спасского.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская церковь за границей, русская литература, Борис Зайцев, митрополит Евлогий (Георгиевский).

Abstract. Essays of the classic of Russian literature B.K. Zaitsev on the events of church life and the clergy of Russian emigration. The texts are taken from rare periodicals abroad and are little known in Russia. The materials clarify the general picture of the spiritual and cultural life of Russians abroad, include descriptions of congresses of the Student Christian Movement, Sergievsky Compound, charitable organizations, as well as paint the appearance and pastoral ministry of Metropolitan Eulogius, Archimandrite Kiprian Kern, Archpriest George Spassky.

Key words: Russian abroad, Russian church abroad, Russian literature, Boris Zaitsev, Metropolitan Evlogiy (Georgievsky).

Любомудров Алексей Маркович (Lyubomudrov Alexey Markovich), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН / anketaspb@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 79-97.

ISSN 2687 1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271.2 + 821.054.7

ББК – 86.372.246.8 + 83.3(2=411.2)6

Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — летописец русского зарубежья. На протяжении полувека он откликнулся на важнейшие явления литературной, театральной, музыкальной, религиозной жизни. Эта художественная летопись нашла отражение в сотнях очерков, заметок, эссе, статей и рецензий, в мемуарах, юбилейных здравицах и некрологах. Документальную прозу Зайцева неизменно отличает точность и глубина оценок, умение кратко и образно сказать о главном. В ней сочетается интерес к культуре Запада и верность русским идеалам, преданность Церкви. «Светский, но православный» [1] — так писатель определил свою позицию.

Значительный пласт в наследии Зайцева — тексты о церковной жизни и духовных лицах русского зарубежья. Эта тематика была ему хорошо знакома: в эмиграции он сблизился с многими церковнослужителями, богословами, часто бывал в обителях, братствах, храмах, созданных во Франции русскими эмигрантами. Все наблюдения, оценки, выводы Зайцева отличаются глубоким христианским пониманием духовного смысла события или личности.

Часть произведений, напечатанных в периодике зарубежья, остается неизвестной российскому читателю. Публикуемые очерки не вошли в собрания сочинений Зайцева и до сих пор малоизвестны на Родине. Эти материалы уточняют общую картину духовной и культурной жизни зарубежной России, рисуют облик и пастырское служение выдающихся церковных деятелей и тем самым могут послужить ценным источником для истории русской эмиграции.

Важнейшую задачу эмиграции Зайцев видел в приобщении и соотечественников, и западного мира к сокровищу, которое веками хранила Святая Русь, — православию: «просачивание в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного “глазка” с древа России...» [2]. В публикуемых очерках не раз возникает близкая писателю тема — выход православия на мировой простор, движение на Запад, преследующее миссионерскую цель. Большую роль в этом процессе играло Сергиевское подворье в Париже с Православным богословским институтом. Зайцев посвятил подворью несколько материалов. Первый из них, «Обитель» (1926), полон впечатлений от недавно открывшегося церковно-богословского центра. В только что освященном храме в честь прп. Сергия писатель видит «Церковь нищенства, изгнания и мученичества»; «новый, тихий и уединенный путь Церкви». Второй очерк, «Богословский институт», написан к его 25-летию, главная мысль здесь в том, что Русский центр явил образ «высо-

кой умственной, духовной и творческой культуры — лишенный лубочности и провинциализма». Третий — приурочен к тридцатилетию Подворья. В нем автор подводит итог работы Подворья, подготовившего немало священнослужителей и ученых, издавшего множество книг, и с удовлетворением признает, что оно стало одним из мировых центров православной жизни. Зайцев приветствовал направление деятельности Богословского института (которое, как известно, разделяли не все православные эмигранты). В позднейшем очерке «Сергиево Подворье» (1967) он так характеризует это направление: «...зарубежное продолжение замечательного религиозно-философского возрождения начала века, когда бывшие “левые”, даже марксисты, продолжая линию Владимира Соловьева, внесли свежую и даровитую струю в толкование высших вопросов духа. Как раз этот не-провинциализм православный и позволил деятелям Богословского Института создать не захолустную бурсу, а учреждение, стоящее на высоте европейского богословского просвещения» [3].

Сергиевское подворье было детищем митрополита Евлогия (Георгиевского). Зайцев высоко ценил этого церковного иерарха. При его поддержке писатель совершил паломнические поездки на Афон и Валаам, посвятил ему первое издание книги «Афон» (1928). Много лет спустя Зайцев вспоминал: «Дух же евлогианской церкви был ближе, сердце лежало к нему: дух терпимости, большей мягкости и свободы, отдаления от государственности, ближе к вселенскому облику православия. Бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими» [4]. В публикуемом очерке, посвященном 25-летию епископского служения Евлогия, воссоздан духовный путь Владыки, благословленного еще в юности старцем Амвросием Оптинским и св. Иоанном Кронштадтским на принятие монашества. Зайцев находит общие черты в облике митрополита Евлогия и патриарха Тихона: «Какая-то общая простая и спокойная, неброская, круглая и корневая Русь глядит из обоих...»; в лице Владыки Евлогия «православие как бы внедряется бесшумно, показывает себя Западу — совершается великий выход его на мировой простор».

Как известно, митрополита Евлогия, управляющего русскими заграницными приходами, поддерживала либеральная и умеренно-консервативная часть эмиграции, в то время как правые круги ориентировались на митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую Православную Церковь за границей. В июне 1926 г. Митрополит Евлогий порвал с Архиерейским Синодом

РПЦЗ. Возглавляемая им Западноевропейская митрополия была объявлена самостоятельной — так оформился окончательный церковный раскол русской эмиграции. В юбилейном очерке Зайцев ни словом не упоминает об этих драматических событиях. Но он сочувствовал непростому выбору Владыки и оставался прихожанином его церкви. Позже Зайцев приветствовал и другое решение митрополита — переход в юрисдикцию Константинопольской патриархии в 1931 году: «Уход его ко Вселенскому Патриарху хорошо разрешил дело. По канонам это законно, нам же, пастве, подчеркивалась принадлежность к мистическому телу Церкви Вселенской, куда входила родина наша как огромный братский со-член, но над нами не было и дальней тени власти государственной, нам чуждой. В этом мы были свободны. За Россию молились, но в ней никому не подчинялись»[5]. Но последний выбор Владыки, воссоединение с Московской Патриархией, Зайцев, как и большая часть клира и паствы, одобрить не мог. В одноименном очерке «Митрополит Евлогий» (1948) Зайцев упоминает об ошибках Владыки в церковной политике, однако не дерзает осуждать пастыря, но пытается его понять, объясняя этот поступок «приливом стихийного чувства России», желанием «умереть на родной земле». И напоминает, что свои ошибки Владыка имел мужество признать.

Владыка Евлогий был одним из создателей Русского студенческого христианского движения. Очень интересен очерк Зайцева «Клермон», посвященный съезду РСХД, состоявшемуся летом 1929 г. Это своего рода репортаж с места событий. Автор запечатлел атмосферу лагеря, он проявляет интерес к выступлениям маститых иерархов и богословов, но также общается с молодежью, с любовью выписывает портреты новой подрастающей православной России. Очерк не содержит конкретных фактов и имен, он ценен другим — передает духовную атмосферу съезда, рождающегося христианского единства прежде малознакомых людей. Написан он в типично зайцевской импрессионистической манере, полон красок, запахов, пейзажных зарисовок.

Четверть века Борис Зайцев провел на посту председателя Союза русских писателей и журналистов во Франции, снискав любовь и уважение своей отзывчивостью и доброжелательностью, был автором многих культурных и общественных инициатив. Деятельная любовь к бедствующим собратьям проявилась и в личной помощи, и в устройстве благотворительных вечеров, сборов средств в пользу нуждающихся. Русское зарубежье основало немало благотворительных организаций. Одной из них стало Общежитие для рус-

ских мальчиков — сирот, детей малоимущих беженцев. Б. Зайцев принимал деятельное участие в его обустройстве. Заметка, посвященная открытию Общежития, не только информативно-описательная, но преследует и конкретную цель — призвать к пожертвованиям на поддержание приюта.

Сербская земля дала приют многим учебным и общественным организациям, эвакуированным из России в годы Гражданской войны. Югославский король Александр Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса и Императорского военного училища в Санкт-Петербурге, стал покровителем русских беженцев. Югославская тема в публицистическом наследии Зайцева возникла в 1928 году, когда он стал участником съезда русских зарубежных писателей в Белграде. Этому уникальному событию посвящен очерк «Югославские записи» (1928). На убийство короля Александра Зайцев отозвался светлыми и проникновенными строками заметки «У короля» (1935). В публикуемом материале «Храм русского восстановления» Зайцев описывает создание новой русской церкви на сербской земле — храма апостола Иоанна Богослова в городе Белая Церковь. Заметка примечательна тем, что содержит портрет и описывает первые церковно-просветительские проекты молодого иеромонаха Иоанна (в миру князя Д.А. Шаховского), ставшего впоследствии известным церковным деятелем, архиепископом Сан-Францисским.

Зайцев оставил несколько воспоминаний о своих духовниках: прот. Георгий Спасский и архим. Киприан Керн в разные годы духовно окормляли семью писателя. Богослов и проповедник, отец Георгий служил в Александро-Невском соборе в Париже, читал лекции, руководил сестричеством. Развернутый очерк «Памяти о. Георгия Спасского» (1965) [6] написан спустя тридцать лет после кончины протоиерея. В данной же публикации помещена речь Зайцева, подготовленная им сразу после кончины протоиерея и полная живых впечатлений о выдающемся духовном просветителе русского зарубежья.

В кратком эссе памяти замечательного богослова архимандрита Киприана Керна Зайцев старается запечатлеть склад души, особенности личности ученого монаха, в которой артистизм, обостренный взгляд на мир, тяготение к природе, искусству сопрягалось со стремлением к аскетической уединенности, обособлению от мира. И завершает свой текст смелой метафорой: «о. Киприан был сам художественным произведением всем нам известного Непостижимого Художника».

Заключает публикацию заметка о знаковом месте русской эмиграции — кладбище Сент-Же-

невьев-де-Буа. Поводом к ее написанию послужило намерение призвать к жертвованиям на строительство часовни-усыпальницы. Но эта конкретная цель, как часто у Зайцева, побуждает к размышлениям о тернистом пути русской эмиграции, к подведению итогов целой эпохи, одним из последних представителей которой стал и сам автор. Эта заметка — одна из последних прижизненных публикаций Бориса Константиновича Зайцева, в ней сквозит надежда на близкую встречу с родными за чертой здешнего бытия, она исполнена просветленности, умиротворения, чувства «вечной, но преображенной жизни».

Тексты приведены в соответствии с современными нормами орфографии с сохранением оригинальной авторской пунктуации. В комментариях указаны источники публикаций.

Литература

1. Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 9. М., 2000. С. 222.
2. Там же. С. 287.
3. Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 7. М., 2000. С. 419.
4. Там же. С. 373.
5. Там же. С. 373.
6. Там же. С. 415–418.

Обитель

Приидите ко Мне вси труждающиеся
и обремененнии, и Аз упокою вы...
Матф., XI, 28

В северо-восточном углу Парижа, в самом бедном и дымном его квартале, с мелкою жизнью людей маленьких, есть странный парк Бютт Шомон. Странен он в этих краях своими скалами и озером, огромною беседкой «миловидою», [1] тем романтизмом и той прихотливостью, что будто вовсе не идут к соседству. Бютт значит холм. Парк на холме, а из беседки открыт вид на весь Париж, в сизом тумане внизу расстилающийся. На полусклон холма, по рю Крима, есть, однако же, нечто еще удивительнейшее, чем самый парк.

Уже из ворот в глубине вы видите на небольшом домике огромный образ — Преподобный Сергей смотрит на входящего. А потом дорожка ведет вверх, делает загиб, и вы на площадке перед церковью, в самом сердце Сергиева Подворья.

Замечательна его история.

Семьдесят лет назад скромный пастор основал здесь церковь и школу для немецких труженников, рабочих, своим потом орошавших новые строения — дома, улицы — чужбины. На гроши нищих ку-

пил владение с садом и завел тихое доброе дело. Оно прожило более полувека. Его смела война. Несколько лет было тут все в забросе, но явились русские в Париже, и митрополит Евлогий, вряд ли чем богаче того пастора, — решил приобрести владенье [2]. И вот тронулась вся странническая, зарубежная Россия. Богатые горстями, бедные крупинками, все русские пожертвовали на создание новой церкви, имени св. Сергия, и Академии при ней для подготовки новых труженников, а то и подвижников. Из Сербии и Сирии, Шанхая и Марокко приходили «лепты». Любовью, единением и светом создали отверженные и бесправные свой холм, обитель Матери-Руси. Холм невелик и скромн. Со всех сторон сжат он стенами, там дома парижские, но на нем зелень, тишина, птицы чирикают, и его сердце — храм.

Храм Сергиева Подворья растет на глазах. Год назад, тоже весной, присутствовали мы на литургии освящения его [3]. Прежняя протестантская кирка была бела, пуста, гулкою пустотой, свойственной нежилому. И как наполнилось теперь и наполняется — теплотою и светлым русским медом — это прежде суховатое строение. Внутри его расписывает Стеллецкий [4]. Уже почти готов иконостас — в старинном, благородном стиле древней иконописи. Расписан потолок, алтарь и боковые стены. Царские врата (и врата влево) — древние, подлинные (кажется, 15-го и 16-го веков) [5]. И появились русские иконы, темнолицые святыни в золоте, лампадки, свечи, и все ближе, как-то сладостней, стройней идет служение, и кругловатый, такой русский, тоже медоносный, голос Владыки Вениамина [6] так певуче, вдохновенно и благожелательно дает отзыв из алтаря. Вообще замечателен духовный воздух храма. Говорят, храм на Дарю [7] более обмолен, более уже как бы проникнут горним, я не знаю, может быть и да, но Сергиево Подворье трогательнее. Пусть оно еще «становящееся», но в нем какая-то иная нота, может быть, еще скромнее, выше и светлей, возводящая к первохристианству. В церкви Дарю отголосок пышности Империи, церковь св. Сергия есть церковь нищенства, изгнания и мученичества, воистину «живая» церковь, и ее действие на душу велико. Ее свет несколько разреженной, легко-туманной, все служение в Сергиевом Подворье не высоко-отлито, не столь закончено, как на Дарю, но, повторяю, еще трогательней. И *все моложе* здесь. Тут ощущаешь смену, чувствуешь, откуда выйдут (и уже выходят) новые священники, быть может, новые монахи и епископы, это новый, тихий и уединенный путь Церкви.

Под стать всему и молящиеся. Здесь уж со-

всем редкость — хорошо одетые. В подавляющем большинстве это та беднота, один вид которой молчаливо укоряет всякое богатство, те поношенные пальтеца, замученные шляпки, стоптанные каблуки, что есть — святая бедность, с нашей русской точки <зрения> «не порок», а в сущности, быть может, истинный знак «Почетного Легиона» [8]. Этот Легион предан своей церкви, своей Матери. Она дает ему то высокое разрешение, то просветление, которого нет вне религии Любви, святой христианской веры. Ибо она, лишь она отстраняет от зависти, злобы (хотя бы и временно), лишь она, говорящая о великом ничтожестве власти, и силы, и славы пред лицом кротости и любви. Оттого так легко дышать в белом свете Сергиева Подворья.

В его воздухе нет злобы. Все беды, ужасы, все раны, что приносят приходящие, преодолеваются, заращаются любовью. Великий наш Святитель на шестом веке после смерти как бы вновь взял в руки посох, которым мерил некогда дебри Радонежа, и неторопливой, старческой походкой взошел на парижский холм, как на свою Маковицу, и среди дебрей «Нового Вавилона» основал новый свой скит, чтобы по-новому, но вечно, продолжать древнее свое дело: просветления и укрепления Руси.

* * *

Да, образ Сергия, и образ Матери-России... Последний раз, на литургии, я встретил ее, Мать и Русь, я думаю, это наверно так. Она явилась в облике старушки. Уже не раз здесь на чужбине и в Германии, Италии, Париже мерещилось что-то мучительно-родное в некоторых старушечьих глазах и лицах. То же было и теперь, только сильнее. Она стояла впереди меня, маленькая, в теплой кацавейке, седенькая, с простым и незаметным лицом русским, серыми глазами, аккуратную прической, с тем пронзительно-невывразимым отпечатком и страдания, но и порядка, и покорности в самом страдании — что есть плод выдержки и силы. Стояла больше на коленях. Иногда истово крестилась, земно кланялась, но без надрыва. И спокойно, тесно, тоже аккуратно были у нее прижаты одна к другой подошвы — старенькие, выхоженные, в тех дырах бедности, на какие равнодушно взглянуть трудно.

Да, Русь. Да, Мать.

Перезвоны. 1926. № 20. С. 626–628.

Примечания

¹ Миловида — видовая площадка в виде беседки, рассчитанная на обзор живописных панорам.

² Протестантская церковь с участком земли на рю де Крими принадлежала немецкому пастору

Фридриху фон Бодельшвингу, была выставлена на аукцион. Место для будущего подворья подыскал регент М.М. Осоргин, получивший на его покупку благословение митрополита Евлогия.

³ Освящение храма подворья состоялось 1 марта 1925 года в Прощёное воскресенье, а учебные занятия начались 30 апреля 1925 года (официальная дата начала работы Богословского института).

⁴ Художественная роспись, иконостас и другие внутренние работы в храме выполнены под руководством художника и иконописца Д.С. Стеллецкого (1875–1947).

⁵ В многоярусный иконостас храма были вставлены вывезенные из России Царские врата XIV века, купленные у антиквара.

⁶ Имеется в виду епископ Вениамин (Федченков), исполнявший обязанности инспектора и преподававший ряд дисциплин в Свято-Сергиевском богословском институте.

⁷ На улице Дарю находится Свято-Александр-Невский кафедральный собор, освящен в 1861 г.

⁸ Орден Почётного легиона — организация, принадлежность к которой является свидетельством признания особых заслуг во Франции. Каждое звание членов ордена имеет свой знак отличия.

Богословский институт (К 25-летию основания)

Время идет да идет. И не заметишь, а уж четверть века набежало как на Бютт Шомон, в старинном парижской квартале, водружался крест храма православного. И при нем — Богословский институт [1].

Это все — детище митрополита Евлогия. Вечная ему память! И вот удивительно: тульской земли Владыка, весь выросший из народно-священнической России, так и ушедший пленником ее, основал на парижском холме нечто вселенски-православное. Вспомнить только облик покойного — сверх-русский, мягкий и несколько рыхлый, со всеми чертами почвенности, доброты, но и хитроумия — вот этот и создал учреждение, выходящее как раз за пределы Одоевского уезда, кулебяк Замошворечья, громогласных протодиаконов.

Глубоко «местный» митрополит создал «не-местное» — такова оказалась архитектура Православия в эту эпоху. Домашнее, теплое, насиженное кончилось. Мировой сквознячок...

Но святыня сама по себе неколебима. Только жизнь выносит ее теперь на вселенский простор. Русское не перестает быть русским, однако по-иному проявляется. Восточный вариант христианства ведь так же всемирен, как и западный. Трагедия нашей родины особенно подчеркнула это — и показала новую страницу Православия.

* * *

Так ли, иначе, «зеленый холм» на северо-востоке Парижа приобрел для православного человека особое значение. Благочестие, древность, но и культура, свободное просвещение, направленные вширь. Негромкий голос, но его слышат не только на Зацепе или в Кадашах. К нему прислушиваются и в Европе, и в Америке. Ибо из Богословского Института разносится проповедь Православия и русского, и универсального, а не только «московитского». Древность и святость почитаются сугубо. Но почитание это восходит к первоистокам. К христианству и богословию Отцов церкви — византийских.

Для нас, тех русских, чья юность проходила в России, Православие представлялось делом *только* русским. Вне России ничего и нет. Но вот оказалось, что вне России есть еще целый мир. И с одной стороны Православие вовсе не для одной России, с другой — русский вариант Православия всего не исчерпывает. Русский вариант... О. Сергей Булгаков, например. Кто читал замечательные его «Автобиографические заметки» [2], тот знает, до какой степени это тоже был, как и Владыка Евлогий, русский человек — только другого уезда (Ливенского Орловской губернии). Но этот орловец говорил уже не только для Ливен и Орла, но для Европы и Америки, ездил в Англию, был в Нью-Йорке, Бостоне. Уроженец Ливен смело богословствовал на мировые темы, и мир более внял ему (Англия, Америка), чем российская (современная) иерархия. Для российской иерархии он слишком смел и самостоятелен, как богослов. Слишком натура *творческая*...

Вот под знаком свободного творчества (не выходя, разумеется, за известные пределы) и шла, насколько знаю, учено-богословская деятельность Института за эти 25 лет. Список ученых трудов его очень велик (издавала все это ИМКА-Пресс). Отголосок в мире англиканском, протестантском и даже католическом тоже не мал. Православие перестало быть за китайской стеной, прервалась и его связь с государством. Если «железный занавес» был, так теперь он как раз прорван — тут Богословским институтом сделано весьма много.

* * *

Таким образом в жизнь православного мирянина Богословский институт и Сергиево подворье вошли обликом Святой Руси, обратившейся ко всему миру. Образ родной, но и возведенный к верхам умственной, духовной и творческой культуры — лишенный лубочности и провинциализма. Соединение монастыря с Академией, где в храме поются древние русские распевы, а служат иногда

и по-гречески, и студенты Академии этой не только русские, но и сербы, сирийцы, немцы. В общем для современности русской нечто единственное и неповторимое.

Трудно не полюбить даже пейзажа этого места: сколько раз поднимался по странным, длинным плитам лестницы, восходя как бы на православную гору Чистилища, мимо образа св. Сергия Радонежского у входа, среди густой зелени каштанов, всяких травок и зеленых кустов, покрывающих склоны. А там — или это церковная служба, или хиротония, или актовое собрание Института с ученой речью, или просто дружественная келья с иконами в углу, вся заставленная книжными полками, — даже в летний жар прохладно здесь от осенения каштанов, в их зеленовато-мирном полумраке.

Много лет назад, в утренней мартовской полутьме (еще до лекций) той аудитории, где студентам читают богословские премудрости, молодой афонский постриженник вполголоса повествовал мне об Афоне, откуда только что вернулся, и рассказ его окончательно подтолкнул совершить паломничество [3].

А теперь, поднимаясь весной по ступеням Горы Чистилища, рассчитывая встретить не Ангела, снимающего огненным мечом со лба грешника одно из семи Р. [4], а ученого архимандрита или епископа, вдруг да и вспомнишь об Афоне. Почему? Есть и причина личная, а иной раз какой-нибудь запах вдруг напомнит. Может быть и особенность места духовного в грохоте Парижа вдруг вызовет образ далекого мирового убежища — откуда в ясный день из монастырской гостиницы видна вершина Олимпа.

* * *

Раз уж зашла речь об Афоне, то трудно остановиться. Вспоминается майское утро, когда с милейшим иеромонахом Пинуфрием [5] выехали мы верхом на мулах из греческого монастыря Ватопеда по лесным тропинкам домой в Пантелеймонов (русский). Ватопед всегда отличался культурой и ученостью. При нем в XVIII веке была Академия, основанная Булгарисом [6] — своего рода Богословский Институт того времени, учреждение замечательное, тоже рассадник просвещения на весь Восток. Увы! — ныне о. Пинуфрий указал мне лишь на остатки чего-то, зданий, будто обломков акведука (если память не изменяет).

Все проходит. В суровых, во многом трагических судьбах Афона бывало и хуже. Во всяком случае, ученый Булгарис и его сотоварищи-просветители дело свое сделали, и не их вина, что рутинная противилась им и одолела. Да и жизнь шла в мусульманском окружении.

Никто не знает ни собственных судеб, ни участи нашей духовной культуры в изгнании. Уже в ту, немецкую войну и оккупацию казалось, что все на волоске, вот может погибнуть Академия на зеленой горке. Однако же не погибла. Дожила до двадцатипятилетия своего. Как и с самого ее основания, как и в военные годы, так и теперь сочувствие христиан англо-американского и скандинавского мира поддерживают ее — некий мирный интернационал культуры. Будем верить, что и в страшные теперешние времена проведет ее Промысел чрез всякие Харибды, Сциллы мировых событий, и «свет разума» не погаснет. Питалось это учреждение любовью и русских, и иностранцев. Для русских оно — свое дело, для иностранцев — братское. За братское сочувствие «нашему» детищу мы, православные миряне, можем этим иностранцам только поклониться.

Русская мысль. 1951. 19 янв., № 312. С. 3.

Примечания

¹ Сергиевское подворье и Богословский институт были открыты в 1925 г. в XIX округе Парижа, на улице rue de Clichy, неподалеку от парка Бют-Шомон.

² Книга прот. Сергия Булгакова (1871–1944) «Автобиографические заметки» вышла в Париже в 1946 г.

³ Имеется в виду о. Иоанн (в миру князь Д. А. Шаховской). В 1926 году принял монашество на Афоне с именем Иоанн. Впоследствии служил священником в Белой Церкви (Югославия), в Берлине, а завершил свой жизненный путь в сане архиепископа Сан-Францисского. Зайцев встретился с о. Иоанном в Париже в 1927 г. Новоначальный монах, полный афонских впечатлений, увлек Зайцева рассказами об Афоне и побудил к поездке — эту встречу Зайцев описал в заметках «Вновь об Афоне» (1929) и «Афон» (1969). В письме архиеп. Иоанну (Шаховскому) 19 мая 1966 г. Зайцев признавался: «Если бы утра этого не было, я никогда бы, наверно, на Афон не попал, и в жизни моей не сохранилась бы одна из самых светлых и возвышенных ее страниц» (Собр. соч. Т. 7. С. 439).

⁴ Б. Зайцев намекает на описание Чистилища в «Божественной комедии» Данте: у каждого пришедшего в Чистилище ангел мечом на лбу изображал семь букв «Р» (от латинского «reccatum» — грех). По мере прохождения каждого из семи кругов Чистилища эти буквы должны были стираться с лица, означая, что грех искуплен. Начав путь с подножия горы, души, достигнув вершины, получали полное очищение и устремлялись в Небеса.

⁵ Спутником Зайцева во время его странствия по монастырям Афона был о. Пинуфрий (Ерофеев). Он неоднократно упоминается в афонских заметках и очерках писателя. См.: *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб., 2011. С. 30 и др.

⁶ Булгарис Евгений (1716–1806) — архиеп. Славянский и Херсонский, греческий духовный писатель, ученый. В 1753–1759 — ректор и главный наставник Академии при Афонской Ватопедской лавре.

Тридцать лет

Перед церковью Сергиева подворья снята группа. Посредине митрополит Евлогий в белом клобуке, сидит, к нему приник мальчик. Остальные стоят. Осенний день, деревья, сквозь них смутно видны дома [1].

Это давний облик. Самое начало эмиграции, начало и Сергиева подворья, и Богословского института. Многие уже ушли, начиная с митрополита, все это и создавшего. Нет о. Георгия Спасского, рядом с ним стоящего. Нет Владыки Иоанна с легендарной белой бородой, нет кн. Г. Трубецкого, Е.П. Ковалевского, М.М. Осоргина, Вышеславцева, Вахрушева [2], старшей сестры сестричества Неклюдовой [3]. Мальчик при Владыке Евлогии обратился в церковного деятеля. Коротко остриженный, с ровной бородкой, худенький молодой человек в глубине — ныне ректор Богословского института епископ Кассиан [4]. Изменился покрой одежд мирян, форма дамских шляп. Осталось то, из-за чего собрались и что любили эти несколько десятков скромно одетых русских людей.

Снимку около тридцати лет, а всему учреждению тридцать в этом году.

То время — некие героические дни здешнего православия. Время высокой температуры. Сам Владыка Евлогий при всей своей неторопливости, медленности речи, вялости движений, проявил решительность: поверил, что можно создать русский очаг и без всяких средств, полагаясь на Преп. Сергия, подписал договор на покупку земли и строений. Вокруг него были люди верующие, убежденные. Была и в нем и в них внутренняя сила, светлая и благодатная, она и несла — пронесла чрез все трудности, внешние, да и внутренние (ни одно дело не обходится без раздоров, столкновений. Но если оно правое — удается).

Сергиево подворье удалось потому, что создавалось любовью и энтузиазмом. Нашлись деньги, нашлись люди, нашелся труд. «Да-а... вот. Преподобный Сергей... наш небесный покровитель...» — любил говорить Владыка, и действительно,

под благодатным веяньем создалось и жило дело, едва ли не единственное в эмиграции, а отчасти и в истории России: на чужой земле того же духа радиостанция, как в свое время монастырь Преп. Сергия в лесах Радонежа. Удивительно. В такой же нищете основано, изгнанниками, а вот далеко светит — и сколько дало! Я вижу уже четырех епископов, учеников Богословского института, вижу архимандритов, иеромонахов, священников, молодых светских ученых. Сколько книг выпущено профессорами, статей, сколько лекций прочитано. Высших ученых степеней здесь больше, чем сейчас во всей России (там всего один доктор богословия).

С разных концов света съезжаются ученые на богословские конгрессы в это нехитрое Подворье (где встречает их привет и любовь) — католики, протестанты, православные сообщаются, трудятся, делятся познаниями. Разноязычные студенты, может быть, будущие столпы Православия в Греции, Сирии, Югославии, Германии, приезжают учиться у наших епископов и мирских профессоров. Тридцать лет стоит зеленый холм с монашескими цветами в цветниках, то труднее ему (вынес войну, полуголод, полухолод, завоевателей), то легче, то опять труднее, по-другому — все как в жизни.

Но в храме все звучат старинные распевы, колокол отзванивает монастырские службы. Растет библиотека, профессора читают уж теперь студентам чуть ли не на пяти языках.

Летом заглядывают сюда иностранные туристы. Им показывают храм, роспись иконостаса (Стеллецкий), старые иконы.

Все идет, все проходит. Немного осталось уже тех, кто был «первого призыва», создавал и устраивал Подворье. Уже среднее поколение в сединах, есть и следующая волна, более молодых, но ее меньше.

Как везде в эмиграции, жизнь становится все трудней, удивляться надо еще, что все-таки держатся: служат, поют, читают лекции, защищают диссертации.

Нынче день Преподобного Сергия — облик Святой Руси, простоты, скромности, светлой духовности. Будет, конечно, архиерейская служба, крестный ход, молитвенное общение с Преподобным, которое всегда оживляет.

Что бы ни было дальше, каковы бы ни оказались судьбы этого места, служение на нем — и прежде, и теперь, через тридцать лет — есть служение Вечности. Сколько бы ни осталось служителей, какие бы трудности их ни ждали, их взор обращен к этой Вечности, которая отблескивает и в священных словах Литургии, и в древних напе-

вах, даже в очаровательных цветах, полный блеск коих в мае, — монастырских цветах, насаженных любящею рукою.

Дай Бог сил. Дай Бог крепко стоять.

Русская мысль. 1955. 8 окт., № 805. С.1.

Примечания

¹ Групповая фотография, описываемая Зайцевым, опубликована в издании: «Русский Париж. 1910 – 1960» (СПб., 2003. С. 80) с подписью: «На Сергиевском подворье. Париж, 1926». На фото запечатлены и Б.Зайцев с супругой.

² Вахрушев Петр Александрович (1867–1955) — промышленник, церковный деятель. В эмиграции во Франции. Член Комитета по сбору средств для приобретения Сергиевского подворья в Париже, староста церкви при подворье. Входил в состав Попечительского комитета Богословского института. Член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. В 1926 делегат Российского Зарубежного съезда в Париже от Франции. Участник 1-го епархиального собрания Западно-Европейских русских церквей (Париж, 1927).

³ Неклюдова Вера Васильевна (1862–1935) — фрейлина, церковный деятель, педагог. Окончила Смольный институт в С.-Петербурге. В эмиграции во Франции. Член приходского совета, основатель (1920) и заведующая церковно-приходской школой при Св.-Алекса́ндро-Невском соборе в Париже. Учредитель и старшая сестра Сестричества при храме.

⁴ Кассиан, еп. (в миру Безобразов Сергей Сергеевич; 1892–1965) — епископ, богослов. В 1922 выслан за границу, с 1925 — в Париже. Участник первых съездов РСХД. Один из основателей Богословского института, профессор (1925), ректор (с 1946). В 1932 принял монашество, в 1939–1945 жил на Афоне. В 1947 посвящен в сан епископа Катанского. Редактор нового перевода на русский язык Нового Завета и церковно-исторических трудов. Б. Зайцев посвятил ему очерк 1965 года «Дни (Епископ Кассиан)» (Собр. соч. Т. 7. С. 413–415).

Митрополит Евлогий

Владыка Евлогий, родом из Тульской губернии, одоовец, сын священника села Сомова. Средне-русским воздухом он дышал с детства, ребенком он ездил с матушкой в Оптину Пустынь у Козельска и, ребенком же, его благословил знаменитый старец Амвросий, как позднее незаметно, без напора, вел к монашеству. Нынешнему Митрополиту Западно-Европейских церквей хорошо знакомы поля и большаки тульско-калужских краев, дом сельского священника, скит старца Ам-

вросия, колокола Оптиной, Тульская семинария, Духовная Академия Сергиевой Лавры. И в бытовом, и в духовном отношении Владыка вскормлен коренною Русью. Его любимый святитель — Св. Тихон Задонский, чьим «тихим» именем мечтал даже быть назван тогдашний молодой инспектор Ефремовского Духовного училища Василий Георгиевский. Образ старца Амвросия навсегда запал в его сердце. Не могла не влиять и рака Преподобного Сергия в Лавре, где заканчивал он высшее образование при блестящем ректоре Антонии (ныне Митрополит Антоний). В Академии Владыка принадлежал к группе студентов, вдохновлявшихся ректором на монашеское служение, понимавшееся, как высокое духовное дело.

Старец Амвросий и о. Иоанн Кронштадтский благословили его на принятие монашества. Преподобный Ириней Тульский совершил пострижение.

Некая тихость и мягкость, сердечная доброта, отвращение к грубости всегда были основными чертами Владыки. Еще инспектором Владимирской семинарии (1895 г.) он уже вмешивался в суровый семинарский быт, очеловечивая его, ходатайствуя о смягчении кар, внося свет и мир в меру сил — таков в общем оказался и весь его путь. Двадцатипятилетие епископского служения Владыки мы с глубоким почтением и любовью и празднуем ныне.

Духовный сын старца Амвросия, Преп. Сергия, всей смиренной святыни Православия, Владыка Евлогий почти всю свою жизнь проводит, однако, вдали от родных мест, на западе. Семнадцать лет прожил он в Холме, ректором семинарии, викарием, епископом и архиепископом. Какова главная черта его деятельности в Холмщине? Монастыри, созидание храмов, благотворение, просветительство, живое «показывание» Православия населению полукатолическому, — надо думать, что в этом, как позднее в Галиции, личность иерарха играла важнейшую роль: Владыка в самом себе нес и несет облик Православной Руси в ее чистом и смиренном виде, — это не могло не привлекать, как привлекает и сейчас.

Замечательно, что именно Святейший Патриарх Тихон (тоже бывший в Холме ректором) поручил Митрополиту представлять собою Православие на Западе «глубоко-европейском», среди чистого латинства. Вряд ли случайно тянуло так Василия Георгиевского к имени Тихона. Вряд ли случайно возвел его в сан митрополита именно Тихон, и еще менее случайность, что в Митрополите Евлогии получила такое яркое выражение духовная настроенность Патриарха (Церковь выше жизни, выше политических страстей). Да и во-

обще Владыка Евлогий имеет нечто родственное с покойным Патриархом. Какая-то общая простая и спокойная, неброская, круглая и корневая Русь глядит из обоих, далекая от крайностей, бури, блеска, чарующая именно тем, что как бы задачей себе ставит малозаметность, у Владыки Евлогия — даже с оттенком большей мягкости.

Небольшая комнатка на рю Дарю, вся в образах, иконках, фотографиях, со скромным столом и диванчиком, с особым сладковато-монашеским воздухом — это предельная точка «шестивия Владыки на Запад». Но как в Холме вокруг него вырастали новые церкви, ширились монастыри, процветали приюты, так и в Париже, будто бы сами собой, «потихоньку да помаленьку», появляются Сергиевские Подворья, Богословские институты, религиозно-философские издательства, а также Студенческое христианское движение, новые церкви в провинции, покровительствуемые Владыкою общины, приюты и т. п. В труднейшей обстановке беженства, церковных разногласий, запутанных отношений с Матерью-Церковью, «неторопливый» будто бы Владыка успеваешь сделать столько, что удивляешься. В его лице и деятельности Православие как бы внедряется, бесшумно показывает себя Западу — совершается великий выход его на мировой простор. Разве не удивительна связь здешней нашей Церкви с Англией, интерес и сочувствие к ней в Америке, местами полная победа в протестантских европейских странах? Не поражает ли, что англичане, уезжающие на миссионерский подвиг в Индию, заходят предварительно в Сергиево Подворье? Что по временам совершается уже русская служба на французском языке? И я сам присутствовал при православном венчании — наполовину по-русски, наполовину по-английски.

Итак, если взглядеться, ясно замечаешь миссионерский характер всего пути Митрополита Евлогия. В нем и с ним Православие непрерывно двигается на Запад, вот уже свыше тридцати лет. Жизнь и дело, как Патриарха Тихона, так и Владыки Евлогия, пришлись на трагическую полосу России, полосу буревую, но и плодоносящую. Оба явились участниками борьбы Православия с темными силами с одной стороны, и внутреннего освежения, укрепления его — с другой. Студентом Василий Георгиевский мечтал о создании монашеско-православной фаланги в Церкви «над государством», далеко от чиновничества. Зрелым глазам Митрополита Евлогия предстоит Церковь, унижаемая государством, мученическая и внутренне свободная. Самому ему выпала миссия именно укреплять и воспитывать это православие не казенного образца, питаемого новыми силами,

вышедшими из страданий революции. Как Патриарх Тихон охранял в страшнейшие годы святыню Православия в России, самое сердце его, светящее вечным светом, так Митрополиту Евлогию точно задана задача — тихими шагами пронести эту родную святыню все далее на Запад. Патриарх Тихон скончался среди бурь, Владыка здравствует, но обоим дан крест служения в труднейшие времена — не будучи мучениками в прямом смысле, оба несут в себе некоторую Голгофу, причем главное в делании Патриарха — внутрирусское, Митрополита же — выведение Православия из провинциальной Московии в Европу. Можно думать, что настала, наконец, пора по-революционному Востоку выйти без озлобления к Западу, и Западу ближе приглядеться к христианскому Востоку. Это одна из надежд великого, вселенского дела.

Пожелаем же нашему высокочтимому и любимому Пастырю долгих и светлых лет делания дела Христова.

Возрождение. 1928. 22 янв. № 964. С. 1.

Примечания

Очерк опубликован в год 60-летия со дня рождения Владыки и 25-летия его епископского служения — и в разгар раскола в русской зарубежной церкви.

Митрополит Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946) — выдающийся церковный деятель русской эмиграции. В 1922 г. был назначен св. патриархом Тихоном управляющим русскими заграницными приходами. Один из основателей Русского Богословского института в Париже Его поддерживала либеральная и умеренно-консервативная часть эмиграции, в то время как правые эмигрантские круги ориентировались на митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую Православную Церковь за границей. В июне 1926 г. Митрополит порвал с Архиерейским Синодом РПЦЗ. В январе 1927 г. Синод РПЦЗ постановил предать митрополита Евлогия суду священного Собора, отстранить его от управления епархией, назначить другого епископа и запретить в священнослужении, однако состоявшийся летом того же года епархиальный съезд выразил поддержку владыке Евлогию. Таким образом, оформился окончательный раскол русской православной эмиграции.

Клермон

От Шалона дорога сворачивает, главный путь пошел на Нанси, а проселок к Вердену. Ровны поля с загонами ячменя, зреющей, тепло-коричневатой пшеницы. Это поля каталаунские. Тут разбит был Атилла.

Нехитрый поезд везет жарким передвечерем в городок Клермон, не доезжая Вердена — от одних страшных кровей к другим, страшнейшим.

Против меня на скамейке девочка, лет шести, рядом с матерью, тоже небольшой, тоже простой женщиной, очень ласковой. Девочка сидит аккуратно, сложив ручки, иногда оправляет платье и прядь волос, прислоняется головою то к матери, то к жесткой вагонной спинке. По временам на меня смотрит, с такою доверчивостью, и вместе робостью. Ее голубые глаза хотят спать, она со сном борется. Весь вид говорит приблизительно так: «Я маленькая, и мне очень неловко, что я, может быть сейчас засну, это неучтиво, но не осуждайте меня, я так утомлена, право же, я ничего худого не замышляю».

Даю ей конфету. Она улыбается и берет. Ест быстро и деловито. Как вкусно! Предлагаю и матери. Та, краснея, отказывается.

Вот девочка съела, опять застенчиво на меня смотрит, потом из приличия отводит глаза, вновь поправляет вихорчик довольно-таки косматый. Но не удержать век! Медленно они сближаются, голубой зрачок уходит, как у птицы засыпающей. Лицо становится грустным и нежным.

Поезд идет, девочка дремлет, не некрасивая и прелестная, деревенская, под боком матери. Когда подходит их станция, они неторопливо удаляются, в свои поля каталаунские, где ячмень, пшеница.

* * *

До Вердена еще верст двадцать пять, а уж и я схожу на клермонском вокзале, среди лесов Аргонн, у подножия городка со старинною церковью на лесистом утесе. В сторону полей, за полотном дороги, русский лагерь, наше богомолье. Совсем недалеко бараки. В одном из них церковь, вся убранная зеленью. В другом — столовая, в третьем — зал для собраний, в четвертом живут девушки, в пятом юноши, тут же священники, профессора, гости. Это съезд христианского движения [1]. Так уже повелось несколько лет, что в июле с благословения Владыки Евлогия съезжаются на неделю представители и члены союза молодежи из Парижа, Ниццы, Бельгии, Англии, вообще откуда не очень далеко. Живут эти дни не совсем обычно. Утром литургия, днем доклады, вечером всенощная или вечерня. Общий чай, общий обед, общий ужин. В свободное время гуляют, купаются в недалекой речке, играют в мяч, катаются на велосипедах.

Это «мы», русские, а гнездо всего этого — в Париже, в YMCA на бульваре Монпарнас [2].

Смысл и цель дела ясны: укрепиться душой, подышав свежим воздухом религии и природы, отдохнуть от «мирского», показать молодежи совсем зеленой уголок христианской жизни.

«Мы», разбив свои шатры между каталаунскими полями и верденскими, сразу внесли сюда Россию, вернее, впрочем, что она сама восстала и в сердцах наших, и в глазах, и в церковных службах, и в иконах, и в лекциях профессоров.

* * *

Нельзя сказать, чтобы тотчас вошел во все это. Да кажется, и сами члены съезда должны сперва пообтереться, присмотреться друг к другу. (Движение очень растет численно, так что многие впервые здесь и встречаются). Главное, надо почувствовать общую жизнь, и для этого нужно время. Съехалось около полтора десятка человек. Все они и раньше ходили в церковь, и раньше слушали лекции, обедали и ужинали, и раньше исповедовались, причащались. Но вот пожалуй нигде кроме этого богомолы не жили совместно, в христианском духе, т. е. — в проникновении любовью. «Соединение в любви» прежде всего ощущаешь в храме, неказистом бараке, где внутри, однако, зелень, теплый свет свечей, разноцветные лампадки, иконы и лики русских угодников. Служат священники русские и французский православный, я впервые слышал в нашей церкви слова проповеди по-французски [3] (язык не столь лирический, как наш, не столь влажный и «душевный», зато действенней, больше укалывает).

Церковная служба (утром и вечером ежедневно) как-то сразу скрепляет. А затем — весь обиход, общий стол с молитвою, разговоры, прогулки. Получается настроение не то общины, не то огромной, но дружной семьи. Она связана не единством рождения, а единством веры, любви.

Это и освобождает от уединенного холода замкнутой жизни.

* * *

Доклады читают философы, профессора и священники [4]. Иногда делается это под открытым небом, на лужайке. Евангелие и жизнь, русские святые, Россия, молодежь там и здесь, и другие темы в таком роде — это просветительская сторона съезда. Есть еще и семинары, т. е. отдельные занятия-беседы с небольшими группами, так что времени не теряют, все же днем выкраивается два три часа, когда юноши бегут купаться в одну сторону, девушки в другую.

Речка Лэр версты за полторы, надо идти полями, тропкою среди ячменя, потом спуститься к железнодорожной будке (так похоже на Россию в этом месте!), а потом луг, и тоже привычная, очень своя картина: извилистая речонка, вся заросшая лозняком, местами просто струится по

камешкам, или же образует затоны и омуты с более медленным течением, с корягами под водой, зелеными коромыслами на стебельках трав. (Тут и купанье). Только запахи не сравнятся с Россией. Почему не так пахнет у нас пригретый лозняк и трава? И поля наши благоуханней? А голубой воздух тот же, и высокие летние облака такие же. (Есть и подорожник, но не заметил я конского щавеля, знаменитого «оконятника» России).

Молодежь купается «спортивно»: мяч на воде, две партии, игра — дух времени.

* * *

Есть и треволения у съезда — внутренние (как удастся? «высоко» ли, не хуже ли прежних съездов?) и внешние. Например, внешнее волнение: юноша в первый раз и попавший-то сюда, поехал кататься на велосипеде. Разогнался и налетел на кучу камня. Упал, да так ловко головой о камни, что сразу потерял сознание. Перенесли его домой, он все в беспамятстве, из носа кровь, одним словом целая история. Перевезли в город, в лазарет. Выписали из Вердена хирурга, окружили наилучшим уходом... и конечно трепетали! Никто не виноват, а все же ответственность. С одной стороны — его почти никто и не знает, с другой это брат. Ходили к нему в больницу, носили цветы, в церкви служили сообща о нем молебны и молились. Вот и опять «соединение в любви» из-за беды, в горе. Слава Богу, «болящий» пришел, наконец, в себя, стало ему лучше — свободнее вздохнули, между собой собрали на лечение.

Горе пришло на съезд и в другом облике, гораздо более грозном. «Движение» подобрало в Париже слепую. Молодая художница жила где-то очень далеко, чуть ли не в Египте, стали болеть глаза. Поехала лечиться в Париж, да и вовсе лишилась зрения. Одна, совершенно без средств... Я ее видел на съезде — вела ее под руку барышня, глаза как будто и смотрели, но ничего не видели. В церкви она стояла иногда боком к алтарю.

* * *

«Возьмите на себя хоть малость чужого бремени, — говорил на литургии проповедник, — и когда сложите свои страдания к стопам Христа, Он примет все и облегчит ваши».

На съездах есть обыкновение — заканчивать исповедью и причастием. Не все впервые являющиеся знают об этом (разумеется, принуждения нет никакого). Сам я, отправляясь в Клермон, во все не собирался говеть. Но вышло так, что и я, и почти все мы исповедовались и причастились, хотя некоторым и казалось, что они не готовы, не расположены, и т. п. Что-то кольнуло сердце,

и мы сдвинулись. Никто, кажется, не пожалел о сделанном. Вернее, что воздержавшиеся чувствовали себя одиноче.

Исповедь началась в субботу на всенощной, продолжалась до глубокой ночи. В церкви было полутемно — несколько свечей да разноцветные лампадки. В трех углах три священника исповедуют за столиками, три очереди юношей и девушек. Перед этим обед прошел в молчании, читалось, как в монастырях, св. Писание. Просили не говорить, зря не болтать и вообще в этот вечер.

Было часов десять, когда я вышел из церкви. Захотелось пройтись, одному. Спустился по шоссе вниз. Сзади подымался Клермон, его лесистый холм с древнею церковью. Небо в звездах. Крест Лебеда, Лира с голубой Вегой, все на месте. Из-за холма, на меня надвигаясь, плыло смутно-овальное облако, все кипевшее молниями — в прозрачную ночь несло оно таинственную, грозную голубизну бесплотных своих миганий. Коровы посапывали на лугу. Стало прохладней, влажней.

Дорога пошла подземом среди густой пшеницы. Я любил ходить так, июльскими вечерами, и на родине, среди пахучих ржей тульских. Сейчас открылся горизонт, в голубоватом сумраке, к Вердену. Сейчас был я на чужой земле, также страдальческой. Наверно, и здесь есть невинные детские глаза, как у той каталаунской девочки, не знающие еще печали. Но все равно... И на этих самых полях тоже бесновались орудия, тоже мучились и умирали люди — в церкви мы молились за всех убиенных. Мир так нуждается в великом сострадании, он должен быть прижат к чьему-то сердцу.

* * *

Воскресенье оказалось и совсем праздником. Причастие всегда подымает, всегда воодушевляет и светлит, здесь, после дней общей жизни, в солнечное утро общего причащения чувство это возросло чрезвычайно. Заново убранная зеленью церковь, вся в зелени столовая, все поздравляют друг друга, некоторые целуются — похоже на Пасху или Троицу. Воскресенье это совпало еще с Казанской, праздником «Содружества»⁵ при Движении (особой группы молодежи, как есть у них «Витязи», «Студенческий клуб»). Священник, служивший литургию, сказал Содружеству отличное слово, напомнил об иконе Казанской Божией Матери, покровительнице России во всех бедах ее, и как бы благословил юное воинство на достойную жизнь — ново-вступившей девочке прикрепил на грудь значок Содружества. Содружницы и содружники особенно сияли в это утро («именинники»).

Одна девушка сказала:

— Так хорошо на сердце, так хорошо... — зап-

нулась, не сразу нашлась, как именно ей хорошо.

— Полетела бы!

Это ей очень удалось выразить. Действительно, была такая «летательная» радость, опьянение без вина, именинное чувство. Прекрасный, прекрасный день! Подъем и свет, чистая радость. Позже, когда пошли все в лес, где в тени кустов на обрыве расселись и под голубым небом стали делиться впечатлениями, другая дама тоже сказала:

— На кого ни посмотрю, всех и люблю! Все хороши!

Тоже верно. Прорвалась плотина, и поток всех захватил. Много ли говорили на поляне, хорошо ли, все равно колокола звонили, этот благовест мы увезли из Клермона, в золотой предвечерний час, когда наш отряд выступил из лагеря на вокзал. Впереди шли юноши под знаменем России, под трехцветным русским флагом, и почтенный генерал маршировал с ними. Дальше мы, за нами обоз.

Трехцветный флаг выглядывал и из окна вагона, и когда вновь проезжали мы каталаунскими полями, в сердце вновь была девочка милой встречи. Младенец, рожденный на полях крови, — может быть, и нашей жизни безвестной в бараках, нашим молитвам о себе и страждущем мире таинственно сопresentствовала каталаунская девочка.

Возрождение. 1929. 27 июл., № 1516. С. 2.

Примечания

¹ Шестой съезд Русского студенческого христианского движения, состоявшийся летом 1929 г. в Клермон-ан-Аргон. РСХД возникло в 1923 году при содействии Христианского союза молодых людей (ИМКА) и Всемирной христианской студенческой федерации. Основной целью движения является объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечения к христианской вере.

² С середины 1920-х годов центральный секретариат РСХД, молодежные кружки и братства располагались в доме № 10 по бульвару Монпарнас. Здесь же находились издательства, редакции журналов «Путь», «Вестник РСХД», работала Религиозно-философская академия.

³ Имеется в виду архимандрит Лев (Жилле; 1892–1980), католический священник, богослов, перешедший в 1928 году в православие. В том же году митрополит Евлогий назначил Жилле настоятелем первого французского православного прихода в Париже, где он трудился около десяти лет. На съезде РСХД в 1929 году в Клермон-ан-Аргон митрополит Евлогий предложил произнести отцу Льву заключительную проповедь по-французски.

Отец Лев проникновенно говорил о духовном поиске, о преодолении повседневных мирских забот.

⁴ На съезде выступали В.В. Зеньковский, Б.П. Вышеславцев, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский, В.Н. Ильин и др.

⁵ «Содружество» при РСХД — братство молодежи в возрасте от 16 до 20 лет. Вступающий в Содружество принимал на себя обязательства повседневной молитвы, молитвы друг за друга, ежедневного чтения Евангелия, искренних и добрых взаимных отношений, неопустительного (по возможности) посещения церковного богослужения.

Общежитие в Шавиле

Серый зимний день. Туманно. Сходя с парижского трамвая, вдыхаешь воздух полудеревенский: насколько чище, слаще и душистее, чем в столице! У ворот виллы на взгорье с садом, старыми деревьями, встречаемся — дамы несут в узелках сласти детям, образки — все те, кто вот уже около года хлопочет в «Особом Комитете» по созданию Общежития для мальчиков: Н. К. Кульман, г-жи Спиридович и Ельяшевич, М. К. Горчаков, М. В. Бернацкий, писатель В. Лодыженский и др.¹ Нынче праздник — открытие Общежития.

Трехэтажный дом имеет нарядный и парадный вид. Внизу, в столовой устроен целый иконостас для молебна. В комнатах мальчиков (их 23 человека) все чистое, новенькое, только что доставлено от Лафайетт. Сами они тоже кажутся подтянутыми; маленькие занимают свой этаж, старше и взрослее — свой.

Столовая и смежная с ней большая комната наполняются. Скромно одетая, с профилем как бы с медали В<еликая> кн<ягиня> Мария Павловна.² Другие, знакомые, все наши «русские» лица, из французов — старенький, смиренный генерал По,³ одорукий герой «отечественной войны». Благодушный и благополучный мэр Шавиля.

Молебен служит митрополит Евлогий. Прекрасная тихая служба. Небольшой хор с Дарю. Владыка говорит слово — с обычной простотой и кротостью. Его сменяет председатель комитета Н.К. Кульман — в горячей речи он особенно подчеркивает, что не всех нуждающихся детей мог принять комитет. Целому ряду пришлось отказать!

* * *

Итак, то, о чем говорили, писали, из-за чего собиралась и иногда спорили, осуществилось. Общежитие действует. Цель его очень проста. В Париже довольно много мальчиков, которые учатся, но живут в невозможных условиях (впятером с родителями в одной комнате; вдвоем на чердаке; впроголодь; иногда учат уроки в метро;

или — мальчик до восьми утра вышивает, помогая матери, потом идет в гимназию. Примеров множество). Значит, надо устроить этих детей по-человечески, и тем из них, кто учится во французской школе, не дать забыть русского языка и русской культуры. (Предположены вспомогательные занятия по русскому языку, истории, Закону Божию). Значит, преследуются цели гуманитарные, и на этом объединены люди различных взглядов и партий: само дело беспартийно. Всякий нуждающийся мальчик находит в Общежитии пристанище — сын ли он «правых» или «левых» родителей, чисто ли русский и православный, или католик, еврей, армянин — безразлично. Церковь, в лице митрополита Евлогия, о. Георгия Спасского и др. оказала и оказывает Общежитию большую поддержку, духовную и вещественную, но Комитет — учреждение совершенно самостоятельное, ни от кого не зависящее. В его состав входят ученые, писатели, художники, общественные деятели и т. п. Суммы, которые удалось собрать, составились преимущественно из выручки от продажи однодневной газеты «Русскому мальчику» (с произведениями Бунина, Бальмонта, Тэффи, Ремизова, Черного и др.), из пожертвований отдельных лиц и из церковных сборов.

Надо сказать, суммы эти невелики. Общежитие существует, но начинает и будничную каждодневную борьбу за кусок хлеба и теплый угол для своих обитателей. Устроители верят, что дело это хорошее, нужное. Верят в силу Добра, в отзывчивость человеческих сердец и надеются, что им удастся поддержать свое начинание.

* * *

Лицо, производившее весной этого года тарелочный сбор в Сергиевом Подворье в пользу Общежития, так передавало о нем:

— Мог ли я себе представить несколько лет назад, что вот так, после небольшой и трогательной речи епископа Вениамина,⁴ с тарелкой, кланяясь каждому даянию, начну обход церкви? Как изменилась жизнь! Должен сознаться — глубокое, светлое волнение владело мной, когда я медленно, стесняясь в непривычном деле, обходил храм. Давали все. Я почти физически ощущал волну благожелания и любви. К моей тарелке тянулись руки старые и детские, мужские и женские, но по всем пробежал трепет одного чувства. Я очень неудачно двигался и к некоторым не подошел вовсе. Все равно, они пришли сами, когда я остановился у прилавка церковного старосты. Смею вас уверить, что полтинничек какого-нибудь скаута не менее радостен, чем франк бледной женщины-труженицы над шитьем, или десятка зажиточного господина.

Воспоминание об этом сборе — для меня случайным — необыкновенно светло.

* * *

Пусть помнят все: в Общежитии — мальчики, в большинстве прошедшие уже суровую жизнь. Общежитие может жить только помощью общества. Если ее не будет, устроители не смогут не только не принять «оставшихся за оградой», но и удержать попавших в ограду — им будет грозить прежнее.

В церкви все дали. Пусть в жизни даст каждый десятый, и тогда Общежитие сможет не отказывать нуждающимся, прочно поставить то, что уже существует.

«Дети — надежда». Не забывайте же о детях.

Последние новости. 1927. 4 янв., № 2113. С. 2.

Примечания

¹ Председателем Комитета по устройству общежития в Шавиле был Н.К. Кульман, генеральным секретарем — Н.П. Булюбаш. Б. Зайцев принимал деятельное участие в обустройстве Общежития.

Кульман Николай Карлович (1871–1940) — филолог, литературовед, общественный деятель. В 1919 эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж, где преподавал предметы на русском языке во французских лицеях в Париже. Декан Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, преподаватель в Богословском институте в Париже.

Спиридович Маргарита Александровна (1895–1973) — певица, общественный деятель. Принимала активное участие в культурной жизни русской колонии в Париже. С 1926 — член Попечительского комитета по устройству Общежития для русских мальчиков в Шавиле.

Ельяшевич Фаина Осиповна (1877–1941) — общественный деятель, жена историка, юриста Василия Борисовича Ельяшевича (1875–1956). Член бюро Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, член правления общества «Быстрая помощь». Ельяшевичи были близкими друзьями семьи Зайцевых.

Горчаков Михаил Константинович, светлейший князь (1880–1961) — монархический деятель, коллекционер. В эмиграции жил в Париже с 1920. Член Русского эмигрантского комитета во Франции. Член Центрального совета Русской монархической партии, член-учредитель клуба «Русский очаг во Франции» и участник многих других общественных объединений зарубежья. Член приходского совета при Св.-Александро-Невском соборе, один из основателей (1927) и многолетний староста синодальной церкви Знамения Божьей Матери

в Париже. В 1926–1931 финансировал и редактировал издание журнала «Двуглавый орел».

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — публицист, педагог. В 1920 эмигрировал в Константинополь, в том же году переехал во Францию. Читал финансовое право в Парижском университете, в Русском коммерческом институте и др. вузах. Публиковался в русской и французской периодической печати (1929–1939). Участник многих научно-культурных организаций.

² Мария Павловна, великая княгиня (1890–1958) — дочь великого князя Павла Александровича, общественный деятель, благотворитель. В Первую мировую войну была сестрой милосердия в полевых лазаретах. С 1920 г. — в Париже. Основатель и художественный руководитель парижского Дома вышивки «Китмир» (1921–1928). Пожертвовала большую сумму на внутреннюю отделку храма Сергиевского подворья в Париже, почетная попечительница Сергиевского подворья. Под ее покровительством в Париже проходили благотворительные концерты и вечера, в том числе в пользу Союза русских летчиков, русских больных, Общежития для русских мальчиков в Шавиле, на устройство детской колонии и др. В 1929 уехала в США, работала модельером-консультантом, фоторепортером. В 1941 переехала в Аргентину, занималась живописью. В 1952 вернулась в Европу, жила в Мюнхене, Париже, Монте-Карло.

³ По (Paul Marie César Gérald Pau; 1848–1932) — французский генерал, участник Франко-прусской и Первой мировой войн. Сражался в Эльзасе, служил в Верховном военном совете Франции. В январе 1916 года был назначен представителем при русской Ставке.

⁴ Епископ Вениамин (Федченков) с 1925 года был инспектором и преподавателем Богословского института в Париже, служил на Сергиевом подворье.

Храм русского восстановления

В прошлом году, будучи в Югославии, попал я в Белую Церковь. Это тихий городок вблизи румынской границы — очень русский. Там русский Кадетский корпус, институт, живет много русских [1]. Приятное, благообразное место. Встретился я в Белой Церкви и с иеромонахом Иоанном [2], которого знал еще в миру, был у него в скромном жилище рядом со временной церковью, помещавшейся в большой комнате того же дома.

Иеромонах Иоанн, совсем молодой, тихий человек, из своего уединения задумал большое и важное дело, часть которого уже осуществляется, часть лишь намечена. Во-первых, основано Православно-Миссионерское издательство с обширной

программой — толкование Евангелия, творения святых, современные вопросы веры, объяснительно-богослужебные издания, детская церковная библиотека. Много книг уже издано. Среди них есть очень важные и интересные — недавно я писал, например, в «Возрождении», о «записи» отца В. Ш. [3] Нечего и говорить, как полезно это для православного «народа» зарубежья. Необходимо для детей — дети в эмиграции так часто совсем удалены от религиозного просвещения.

Другое предприятие о. Иоанна находится еще «в становлении», оно более трудное и сложное: постройка в Белой Церкви русского храма, «храма русского духовного восстановления» — во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Землю под здание дал город, часть нужных для строительства денег уже есть, остальные собирают. Храм проектируется в благородном древнерусском стиле. Он должен явиться центром православно-миссионерского книгоиздательства, вокруг него вырастет подворье, которое усилит и разовьет уже существующую миссионерскую деятельность. Одним словом, задумано новое чистое и благобразное гнездо Православия, которое, Бог даст, совершит большое духовное дело [4].

На нашу веру отовсюду нападают. Оскорбляют наши святыни, закрывают церкви, монастыри. Какой отличный ответ эмиграции на это — новый православный храм! Новый источник высоких чувств, рассадник веры, знания, благотворения. Это не местное дело югославских русских — оно касается всего зарубежья, ибо действовать будет для всех. Уже сейчас о. Иоанн связан с сорока странами рассеяния, все мы, где бы ни находились, через такую точку скрещения нитей как бы ощущаем свое единство, это будет наше общее создание. И тишина Белой Церкви — полумонастырское ее спокойствие, и географически центральное положение среди стран эмиграции чрезвычайно подходят для такого гнезда. Любное и просвещенное ведение дела, нужность его и, чувствую, — благословенность — все говорит за то, чтобы его поддержать. Пусть осуществится еще одно мирное и доброе начинание православия. От нас самих зависит его успех. Будем же ему помогать.

Пожертвования принимаются в «Возрождении».

Возрождение. 1929. 20 окт., № 1601. С. 2.

Примечания

¹ Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус был переведен в Белую Церковь в 1929 году. Здесь находился также Мариинский Донской институт, эвакуированный из Новочеркасска в 1919 г. В порядке также были дом русских военных инва-

лидов Великой войны, детский приют и ряд эмигрантских организаций.

² Имеется в виду иеромонах Иоанн (Шаховской). См. примеч. 3 к очерку «Богословский институт».

³ Имеется в виду книга: *О.В.Ш. [Шустин В.] Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах*. Белая Церковь, 1929. Она послужила поводом к написанию Зайцевым очерка «Иоанн Кронштадтский», опубликованного в той же газете «Возрождение» неделей раньше, 13 октября 1929 г. (см.: Собр. соч. Т. 7. С. 333–338). Книга написана священником Василием Васильевичем Шустинным (1886–1968), который в то время преподавал физику в Кадетском корпусе в Белой Церкви.

⁴ Историк русской зарубежной церкви М.В. Шкаровский сообщает: «В Крымском корпусе и Донском институте существовали свои домовые храмы, кроме того, в начале 1920-х гг. в зале на ул. Гете, д. 80, была устроена русская приходская церковь св. Георгия Победоносца для жителей города. В 1927–1929 гг. в ней часто служил работавший в это время законоучителем Крымского кадетского корпуса и возглавлявший пастырско-богословские курсы епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). В начале 1927 г. этот Владыка пригласил в Белую Церковь молодого монаха Иоанна (в миру князя Д.А. Шаховского, будущего архиепископа Сан-Францисского), рукоположил его во иеромонаха и назначил настоятелем Георгиевского храма и наставником в Пастырской школе. Вскоре иеромонах Иоанн открыл в приходе издательство «Борьба за Церковь» (Православное русское зарубежное миссионерское подворье), которое выпускало газету «Борьба за Церковь», миссионерские «Белоцерковские листки», духовные книги и брошюры. Он же стал инициатором постройки на собранные по всей Сербии пожертвования отдельного каменного храма св. ап. Иоанна Богослова. Церковь была построена в псковском стиле по проекту архитектора А. П. Шевцова в 1930–1932 гг. и оставалась русской до середины 1950-х гг.» (*Шкаровский М.* Русская церковная эмиграция в Югославии. 1920-1930-е годы [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2010. № 259. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2010/259/russkaya-czerkovnaya-emigraciya-v-yugoslavii.html>).

Речь на кончину протоиерея Георгия Спасского

В прошлом году, в среду на Страстной, отслужив обедню, о. Георгий вышел на амвон — уже разоблачившись, в черной рясе, с золотым крестом

на груди. Придерживая крест рукой, высокий, несколько сутулый, производил впечатление силы и задумчивости. Минуту помолчал, полузакрыв глаза. Потом сказал :

— В последний раз нынче мы совершали Литургию Преждеосвященных даров. В последний раз слышали «Господи и Владыко живота моего». Теперь — до следующего Великого поста. До следующей Страстной.

Сделал маленькую паузу.

— Доживем ли? Сколько нас соберется здесь в будущем году? Кого не досчитаемся?

Он говорил и дальше, кратко, но с тем внутренним напором, как всегда: словами пережитыми и потому доходящими. Они и запомнились — слова о мгновении, бренности, летучести жизни.

Конечно, иначе и не может чувствовать христианин. Все таки у о. Георгия, при всей его как бы и жизненности, особенно сильно было это чувство. Сколько раз и раньше приходилось от него слышать, примерно, так: «Не устраивайтесь, не располагайтесь в жизни прочно. Смотрите только в Вечность. Смерть на каждом шагу. Будьте всегда готовы — главное, главное: готовьтесь!». «Ведь вот, в синема идете, а не знаете, вернетесь ли». «Горести наши, скорби? Да они — мгновение... А там — подумайте! — вечная жизнь!»

Родом он был из Тверской губернии, но учился в Вильне, в Вильне же и служил вначале священником.

Нечто западное, и от западного края осталось в нем навсегда: своеобразие выговора, оттенок отношения к католицизму, особая любовь к трем Виленским мученикам (погибшим за православие). Западная страстность в защите восточного исповедания. Пышность и яркость красноречия, действенность, боевой темперамент — все это довольно далеко от тишины и интимности Оптинской или Троице-Сергиевской.

Общеизвестен его ораторский дар. Молодым священником он выступил в Храме Спасителя в Москве с речью о патриаршестве (1917 г.), имевшей огромный успех. Это и естественно. О. Георгий был именно оратор для большого храма, для сотен слушателей, для возможности электризовать и зажигать толпу. Он говорил в остром и повышенном тоне, словами большого внутреннего давления, — но владея собой и не растекаясь. Нечто личное всегда сквозило у него в «общем». Может быть, оттенок горечи и страстности, большого опыта жизни, горького ощущения её и горячей надежды, устремления пламенного. Он был «пессимист» *здесь* для оптимизма *там*. Но никак не монашеского склада его натура. Можно даже сказать, что по приро-

де был он жизнелюбив, чувствовал краски, красоту, поэзию, вообще обладал чертами артиста. (И в красноречии его был художественный дар. Он умел живописать словами. О Св. Серафиме, например, говорил с изобразительностью художника слова).

Но с неменьшею силой чувствовал трагедию этого «прелестного» мира — всю глубину мрака и зла. И в последние годы росло в нем апокалиптическое чувство. Он не верил в благополучный, *удобный* исход жизни. «Все мне кажется, что уж очень тяжело в мире, душно. Скоро должно кончиться».

Он много перевидал на своем веку, прожил жизнь довольно сложную и разнообразную. После Вильны служил в Севастополе, занимал пост главного священника Черноморского флота. В революцию вел страстную борьбу за религию, выступал на митингах по всему побережью, состязаясь с безбожниками и громя их. Его дар, пафос и вера давали огромное преимущество.

Ему чрезвычайно шло быть с военными. Я не вижу о. Георгия, не случайно носившего имя поразителя дракона, — не вижу его в отступлении: его дух и стиль — всегда атака. Он любил говорить с амвона, держа пред собою тяжелый крест как оружие. Этот крест точно нес его — прикрывал. Как бы влекся за ним оратор, вовлекая слушателей, завоевывая их сердца.

С военными жил он в мирное время, с ними же провел войну и революцию, с ними потерял Россию, но не сдавшись ушел в изгнание — с теми же моряками. Делил дни Бизерты. Всюду подымал дух и ободрял, утешал, служил... Кто побывал с ним в Африке, особенно благоговейно вспоминает об о. Георгии.

* * *

Мы узнали его уже здесь, в русском быту сложившемся, в буднях. Но вот именно будничности в нем и не было — серости, вялости. Он и здесь непрерывно сражался, быть может, с врагом еще более многоголовым и страшным, чем крымские атеисты: с повседневностью, засорением душ, измельчением — с малым злом, непрестанно нас осаждающим.

Кроме служб, треб, проповедей, преподавания, чтений в Сестричестве, акафистов, лекций нес он и груз исповеди: был духовником огромного числа прихожан.

Его значение в этом было не меньше, чем в проповеди: здесь тоже борьба, но действие на каждого в отдельности, умение всколыхнуть, взволновать, зажечь... — и сжечь «тину».

Тайна влияния на людей... — он ею обладал, все, кто у него исповедывались, знают это. В чем

она заключалась? — Была тут, разумеется, черта личного обаяния, которая объяснению не подлечит (некая красота пейзажа душевного). Но кроме неуловимого этого налета можно в нем различить основные черты: соединение силы, доброты и грусти. Сила — стихийная его черта. Она проявлялась не только в проповеди и исповеди, но и в самой церковной службе о. Георгия. Он *сильно* служил, как и вообще все делал сильно. Грусть — от ощущения всеобщей нашей слабости, от страшной незащищенности... — этому противопоставляется лишь доброта, любовь: особенно удивительные при силе (которую обычно связывают с суровостью). Но вот тут «край светлой ризы», к ней прикоснуться, за нее ухватиться. На нее всегда, с любовью и снисходительностью, указывал о. Георгий. Он иногда казался даже слишком снисходительным. Думаю, это вытекало из глубокого понимания жизни и человеческой души.

* * *

До нынешнего Великого поста не дожил о. Георгий, «Господи Владыко» не услышал. Не напрасно с такой значительностью говорил тогда. Указывая другим на смертный час, всегда подстерегающий, сам его ждал не менее, и готовился. Свою кончину предчувствуя, за несколько дней говорил близким: «Скоро меня отпевать будете. Ухожу».

Воином жил, воином умер, как бы в атаке, сраженный пулей, — во время лекции о догматах, на словах «православие, церковь»... — отстаивая то, что считал угрожаемым.

...С необычайной ясностью вижу о. Георгия, точно он и не уходил: живым проходит перед взором в облачении и митре на служении, в полусумраке исповедальни, возлагая епитрахиль, разрешая с полузакрытыми глазами грехи... — высокий, неравноплечий, в черной рясе с золотом креста, и всегда в движении, всегда на грани времени и вечности.

Ныне он эту грань переступил. Мы еще здесь. Он — там. И лишь любовь соединяет нас.

О. Георгий Спасский. 1877–1934. Париж: Издание Комитета по увековечению памяти о. Георгия Спасского, 1938. С. 211–214.

Примечания

Спасский Георгий Александрович (1877–1934) — протоиерей, богослов, преподаватель, проповедник. Рукоположен в 1903 году, служил законоучителем, с 1917 г. по приглашению контр-адмирала А.В. Колчака — главный священник Черноморского флота. В качестве флотского делегата принял участие в заседаниях Поместного собора

1917–1918 годов. В 1920 г. в составе русской эскадры эвакуировался в Бизерту. С 1923 г. — во Франции, с 1925 — штатный священник Александро-Невского собора в Париже, где оживил приходскую жизнь, читал лекции, руководил сестричеством. Был духовником русских эмигрантов, в том числе Ф.Шалапина и семьи Зайцевых. Скоропостижно скончался 16 января 1934 г. в Париже во время чтения лекции о догматическом богословии. В 1934–1936 гг. в Париже состоялись вечера его памяти.

Трудный путь

Спокойствия и ровности никогда не было в о. Киприане. Само вступление его в монашество было непокойно и бурно. Он избрал ношу тяжкую, как бы и с надрывом внутренним. Но никто не мог бы «отсоветовать», повлиять, даже самые близкие и любимые: не таков был его характер.

Впрочем, всякий склад жизненный был бы для него нелегок. Я не вижу о. Киприана вне борений, одиноких раздумий, недовольства собой, приступов тоски — сменявшихся ярким подъемом, главнейше в Богослужении, или восторге перед красотой, в искусстве.

Монашеский путь, однако, с отсечением воли, удалением от стихии, всеми нами владеющей, ткущей земную ткань, путь собственно «ангельский», не труднейшим ли оказался для него? Но таков именно был покойный — выбирать, так крайность. Серединки, благоразумия не любил. Отсюда его порывистость, иногда очаровательность, иной раз и резкость, и неожиданность поступков.

Сильный темперамент, глубокая уединенность, художническая нотка, влечение к прекрасной видимости — и монашеская обязанность удаляться от нее. Св. Бернар не заметил, одно или два окна у него в келье [1], о. Киприан обладал поразительной остротой чувств, глазом замечательным, как у Бунина, любил ароматы, духи, цветы, природу, красоту, музыку, живопись, итальянское возрождение.

Была, однако, в монашестве черта, внутренне ему созвучная и привлекавшая его: «особность», отдаленность от мира, ни на что непохожесть. Он и в жизни и в литературе предпочитал одиночек. А еще больше — одиночек недопонятых, недооцененных. Такими были для него Константин Леонтьев, Леон Блау [2].

О. Киприан сам являл собой облик этого одиночества, образ изящества, некое художественное произведение — достаточно было видеть его прекрасные глаза и длинные, тонкие пальцы.

В жизни он был настроен почти всегда горестно. В общезжитии иногда нелегко, иногда восхитителен. К общественной деятельности совсем неприспособлен.

Думаю, главная радость и утешение его было Богослужение. Насколько он не любил заседания и комитеты, настолько высшее оправдание и смысл находил в литургии и молитве. Тут, кажется мне, он действительно возвышался на несколько пядей над жизнью повседневной.

Как исповедник он всегда грешнику сочувствовал, был заодно с ним, заранее к нему расположен. В Евангелии больше всего любил притчу о Блудном Сыне и всех нас, себя в том числе, считал лицами этой притчи. (Последнее, что прочитано было из Евангелия над его телом перед положением во гроб, оказалось именно любимая его притча.)

Я знал его многие годы. Думаю, знал близко, не иконописно. И всегда любил. Знал его тяжкую жизнь, тяжкую борьбу с собой. Знал — в последние годы как бы особенное его отдаление от многого, что ему было близко: искусства, музыки, красоты, даже общения с людьми, прежде близкими. Рост аскетизма, удаление на некий Синай, все, однако, с оттенком глубокой горестности.

Теперь, когда его нет, вспоминаешь с особым чувством — покинутости и тоже одиночества — что его, такого как знал в расцвете сил, больше среди нас не встретишь.

Облик Аввы неповторим, незаменим — по строгости, благородству очертаний, некоему высокому классу самого существа, по цельности, которая полна была противоречий, а все же цельность, ибо создание художественное. Да, дорогой о. Киприан был сам художественным произведением всем нам известного Непостижимого Художника.

Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 46–47.

Примечания

Киприан, архимандрит (в миру Керн Константин Эдуардович; 1899–1960) — богослов, церковный историк. Участвовал в гражданской войне в рядах добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал в Сербию. В 1927 г. принял монашеский постриг, в 1928 возведен в сан архимандрита. В 1925–1936 гг. преподавал (с перерывом) в духовной семинарии Сербской православной церкви в Битоле. В 1936–1939 — настоятель Покровской церкви на ул. Лурмель в Париже, с 1940-го — настоятель церкви святых Константина и Елены в Клараме. С 1941 г. доцент, в 1945–1960 — профессор Свято-Сергиевского богословского института по кафедрам патологии, литургики и пастырского богословия. Автор научных трудов по этим дисциплинам, один из главных — «Антропология святого Григория Паламы» (1950).

Был духовником Бориса и Веры Зайцевых. Зайцев посвятил ему очерк «Архимандрит Киприан»

(«Русская мысль», 1960, 5 марта), включенный в книгу «Далекое» (Собр. соч. Т. 6. С. 202–207), а также сделал прототипом персонажа (архимандрита Андроника) в рассказе «Река времен» (1964).

¹ Бернар Клервоский (1091–1153) — католический святой, богослов, основатель и аббат монастыря Клерво. Много лет провел в созерцательном уединении. В жизнеописании отмечено, что он был настолько отрешен от внешнего мира, что не замечал, есть ли потолок над его кельей, освещалась ли она через три окна или через одно.

² Блуа Леон (1846–1917) — французский прозаик, автор романов и эссе. Получил известность как глубокий католический мыслитель. Был популярен среди православных русских эмигрантов, в том числе преподавателей и студентов Богословского института.

Упокоение

Кладбище «St. Genevieve des Bois» — в некотором роде Русский Дом. Только подземный, для усопших (есть и для живых, там же наверху [1], но не о нем речь).

Подземный же возник с первой, главной волной эмиграции после гражданской войны. «Люди жили, страдали, любили и умирали».

Так, слава Богу, сложилось, что бездомные в чужой стране нашли последний приют под белыми березками кладбища русского. Небольшая, изящная церковь древне-псковского стиля возглавляет его [2].

Здесь лежат наши близкие и знакомые, и незнакомые, но все русские и все безродные. Огромная семья, непрерывно растущая — Русь, в разных ее обликах.

Этой весной, в мае, как раз пришлось видеть там весну. Березки надрывались в белизне стволов своих, в нежной (и вечно-весенней) яркости листьев. Цветы, на всех почти могилах торжественно распустившиеся, давали впечатление сада Божьего, все радовалось, благоухало, точно пело:

— Смертию смерть поправ!

А в Пасхальную ночь, когда крестный ход во главе со священником о. Александром Ергиным [3], с хором и хоругвями выходит из церкви и с пением обходит все могилы, где теплятся свечи — зрелище, конечно, незабываемое. «Город мертвых» не дает чувства смерти, а обратно — вечной, но преображенной жизни.

* * *

«Насельников» можно разделить на несколько частей: литература, философия, богословие. Военный мир — наиболее обширный, целые

участки с пирамидами (корниловцы, дроздовцы, недавно открытый отдел: павшие за Францию — все это в строгом порядке, воинском).

И наконец нечто среднее: вольные профессии, интеллигенция, буржуазия. Конечно, все под знаком православия.

В крипте под храмом — вершины Церкви — митрополиты Евлогий, Владимир, еп. Кассиан, прот. Георгий Спасский, знаменитый проповедник. А идешь по кладбищу, точно в огромный знакомый дом попал, навестить давно не виденных. С Буниным встретишься, Мережковским и Гиппиус, и другими по нашей части. Знаменитые имена военных, а то и просто знакомые и друзья, и могилка с простым крестом, как на кладбищах деревенских — Россия, Россия... — упокоение неотделимого существа, с кем жизнь прошла. Там и твоя квартирка, над усопшей [4], пока пуствующая еще.

* * *

Жизнь есть жизнь. Кроме поэзии и меланхолии есть в ней — и как еще! — именно «жизненное». За упокоение надо платить [5], земля-то французская, принадлежит коммуне «St. Genevieve des Bois». Есть погребение «навечно», есть на 50, 30 лет. Коммуна дает отсрочки, но это не решает дела.

Придумано такое: в дальнем конце кладбища построить часовню, под ней огромный склеп, «ossuaire», как здесь говорят. — Туда складывать останки тех, чьи оплаченные сроки вышли, а родственников нет (или они платить не в силах). В склеп этот складывать такие останки, в порядке, с указанием имен. (Подобное видел я на Афоне, в русском монастыре, где черепа, кости умерших складываются в особом помещении, на полках, как в библиотеке, с надписями).

План будущей часовни мне показывали. Предполагается она в глубине кладбища, в конце аллеи, идущей прямо от церкви. Начался и сбор средств на постройку.[6]

Сан-Женевьевское кладбище уже отмечено во французском путеводителе как достопримечательность. По воскресеньям автокары подвозят иностранцев к этому особенному миру русскому — памятнику и горечи изгнаннической и неколебимой независимости.

Долг самой эмиграции поддержать ее усыпальницу. По просьбе отца-настоятеля храма кладбищенского, уже обратившегося к эмигрантам во Франции, обращаюсь к американским соотечественникам с тою же просьбой:

Поддержите дело мирное и высокое!

Новое русское слово. Нью-Йорк, 1970. 11 февр., № 21792.

Примечания

¹ В 1927 г. в коммуне Сен-Женевьев-де-Буа княгиня Вера Кирилловна Мещерская (1876–1949) основала Русский дом для престарелых эмигрантов и стала его руководителем. На местном кладбище был отведен участок, где стали хоронить пансионеров, а затем и русских парижан, таким образом образовалось «русское» кладбище, где похоронены около 15000 эмигрантов.

² Кладбищенский храм Успения Божией Матери построен по проекту Альберта Николаевича Бенуа и освящен в 1939 году.

³ Ергин Александр Гаврилович (1894–1977) — штабс-капитан, протоиерей. С 1923 во Франции, окончил Богословский институт в Париже, в 1944 принял священство. Настоятель церкви Рождества Христова в Монруже (под Парижем). Одновременно в 1947–1950 обслуживал тюрьмы и места заключения. С 1952 настоятель Успенской церкви в Сен-Женевьев-де-Буа. Вице-председатель Общества помощи русским эмигрантам, руководил строительством церковного дома в Сент-Женевьев-де-Буа. Председатель Комитета по охране и поддержанию могил на русском кладбище, участвовал в организации сбора средств для ухода за могилами.

⁴ Жена Зайцева Вера Алексеевна скончалась 11 мая 1965 г.

⁵ По нормам французского законодательства любое погребение сохраняется лишь до истечения срока аренды земли. Начиная с 1960 г. местные власти ставили вопрос о сносе кладбища. С 2007 г. российское правительство перечисляет Франции средства для погашения задолженности и продления аренды кладбищенских участков.

⁶ Небольшая часовня, построенная в конце русской аллеи на деньги от пожертвований в 1977 году, стала усыпальницей для перезахороненных в ней русских останков из могил, у которых закончился срок аренды кладбищенской земли.

«A NEW, QUIET AND SILENT WAY OF THE CHURCH». SPIRITUAL LIFE OF RUSSIAN EMIGRATION IN UNKNOWN SKETCHES OF BORIS ZAITSEV